

– Вас поведёт младший дядя-наставник. Просто следуйте за ним и поменьше болтайте, – взгляд Ли Биньчэна скользнул от старшего ученика ко второму и в конце концов остановился на втором. – Шаобо, я могу спокойно доверить Цзыцзю твоим заботам: как-никак ты присматриваешь за ним уже больше ста лет. Вот только тебе приходится слишком тяжело.

– Наставник... это старший соученик заботится обо мне, – беспомощно возразил Дуань Шаобо.  
– В наших странствиях все тяготы всегда достаются ему.

– Хватит, не нужно его выгораживать, – Ли Биньчэн махнул рукой и приказал Гу Цзыцзю: – Не обижай своего младшего соученика!

Ничего не поделаешь: даже когда оба его ученика с головы до пят одевались совершенно одинаково, рядом друг с другом они производили совсем разное впечатление. Старший ученик, Гу Цзыцзю, с первого взгляда казался ярким и полным жизни, тогда как второй, Дуань Шаобо, был спокойным и сдержанным. Один – чересчур внушительным, другой – недостаточно. Даже когда они ничего не делали, напор одного неизбежно подавлял и теснил другого, отчего всем казалось, будто Гу Цзыцзю постоянно издевается над Дуань Шаобо.

– Да разве я могу его обидеть? – Гу Цзыцзю широко ухмыльнулся, сверкнув белыми зубами.

Ли Биньчэн уже собирался выставить обоих за дверь, но при виде этой улыбки передумал:

– Шаобо, выйди первым. Мне нужно кое-что сказать твоему старшему соученику.

– Наставник... хорошо.

Когда Дуань Шаобо ушёл, Ли Биньчэн спросил:

– Цзыцзю, ты уже постиг чувства?

– Чувств не постиг, зато познал желание, – Гу Цзыцзю покачал головой. Теперь, глядя на его живое лицо, никто не узнал бы в нём того бесстрастного ребёнка. – Впрочем, желание всегда было во мне, так что «познал» – не совсем верное слово. Я лишь пробудился и обнаружил его.

- Некоторые желания естественно удовлетворять самому. Но есть и другие... Обещай наставнику, что не станешь к ним прикасаться, пока во всём не разберёшься. Потому что для некоторых людей это желание – не просто желание. За ним скрывается нечто более глубокое.

- Да, наставник.

- Защищай своего младшего соученика. Не. Обижай. Его.

- Наставник может не тревожиться.

[И желание есть, и сил хватает, но, увы... судьба играет людьми.]

[...] Услышав этот горестный вздох, системный помощник нисколько ему не посочувствовал. Нисколько! Напротив, он не удержался от тётушкиной улыбки. Так ему и надо!

Порой практики вели дела чрезвычайно медленно: могли провозиться десятки и сотни лет, но так ничего толком и не закончить. А порой действовали решительно и стремительно: только что обо всём договорились – и уже в следующий миг приступили.

Поездка секты Меча на празднование дня рождения главы секты Бурных Волн относилась ко второму случаю.

Закончив с наставлениями, Ли Биньчэн отправил учеников на вершину главы секты. За двести лет со дня вступления в секту они впервые увидели, как глава и младший дядя-наставник вышли из своей ветхой соломенной хижины. Более того, они не сидели в медитации на подушках, а стояли на ногах.

Даже Гу Цзыцзю не удержался и несколько раз взглянул на двух верховных властителей секты Меча.

Глава секты по-прежнему выглядел юношей: с ног до головы в чёрном, но исполненным доблести и энергии. Младший дядя-наставник... тоже не изменился: всё тот же

достопочтенный меча Румян в свадебном облачении.

Ученики секты Меча, которым предстояло отправиться вместе с ними, постепенно собрались и выстроились перед этими двумя в четыре ряда – в соответствии с уровнем совершенствования и старшинством.

Ещё до появления Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо для них уже освободили места. Мечная ци Гу Цзыцзю была слишком заметной: о его приближении узнавали издалека.

Присоединившись к остальным, они встали рядом. Гу Цзыцзю по привычке достал палочку сахарного боярышника и протянул Дуань Шаобо. Все соученики вокруг посмотрели на них. Дуань Шаобо невозмутимо принял угощение и начал есть с той же послушной грацией, от которой мысли Гу Цзыцзю неизменно заполнялись бесконечным: «Какой славный».

– Младший Дуань, я слышал, что во внешнем мире у тебя целых два прозвища: Меч Расколотого Нефрита и сахарный боярышник, – внезапно со смехом произнёс один из мечников, стоявший впереди них.

Злого умысла у него не было: он лишь поддразнивал двух юных соучеников. Всем присутствовавшим мастерам меча уже исполнилось больше пятисот лет, а старшему перевалило за восемьсот. На их фоне Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо действительно были детьми.

Гу Цзыцзю слегка приподнял бровь, но Дуань Шаобо лишь улыбнулся и совершенно спокойно ответил:

– Прозвище сахарный боярышник мне вполне подходит. Я и вправду люблю сахарный боярышник и ни мгновения без них не могу.

– Ой-ой! – мечник, задавший вопрос, издал преувеличенно испуганный вопль, а затем громко расхохотался.

Остальные тоже засмеялись и начали многозначительно подмигивать Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо.

Кто-то спросил у Гу Цзыцзю:

- Младший Гу, твой сахарный боярышник и вправду выглядит аппетитно. Не позволишь ли старшим соученикам тоже его попробовать?

Гу Цзыцзю покачал головой:

- Сахарный боярышник нельзя. Я готовил его специально для младшего соученика. Но у меня есть баночка пирожных с ледяной сливой – угощайтесь.

Всем было понятно, что в его сахарный боярышник использовались самые обычные духовные плоды, лишь внешне похожие на боярышник. Разве что сахар был приготовлен из особых ингредиентов. Но для практиков существовало всего несколько разновидностей сахара – насколько же вкуснее мог оказаться этот?

А вот пирожные с ледяной сливой были особым лакомством одной маленькой северной секты. Для практиков они считались редким деликатесом, к тому же сами ледяные сливы относились к необычайно редким духовным плодам. Пирожные из них успокаивали сердце и умиротворяли дух.

Пусть на мечников они действовали не так сильно, как на даосских практиков, всё равно это было редкое сокровище.

Почему же Гу Цзыцзю предпочёл вынести пирожные с ледяной сливой, но не захотел поделиться сахарным боярышником? Разница заключалась не во вкусе и не в свойствах, а лишь в одном слове – «сердце».

Мечники снова рассмеялись. Каждый взял по пирожному, и больше никто не стал подшучивать над этой парой.

Сам же Гу Цзыцзю поднёс пирожное к Дуань Шаобо, успевшему съесть половину сахарного боярышника:

- Младший, тебе ещё не надоел сахарный боярышник?

Дуань Шаобо покосился на него, облизнул губы и ответил:

- Каждый раз вкус получается иным. Как оно может надоест?

- Вот и хорошо. Пока твой старший соученик остаётся в этом мире, я всегда буду готовить его для тебя.

В этот миг Гу Цзыцзю подумал: «Как было бы хорошо, окажись Дуань Шаобо простым смертным, неспособным совершенствоваться. Тогда времени, необходимого мне для завершения задания в этом мире, хватило бы, чтобы сопровождать его всю жизнь – до самой минуты, когда он обратится в прах».

Что до следующего перерождения, искать его Гу Цзыцзю не собирался. В каждом мире круговорот перерождений проходил по-разному, но прежнее прошлое неизменно смывалось, а новорождённая жизнь уже не имела ничего общего с предыдущей. Император или полководец мог стать мелким торговцем либо простолюдином, добродетельный человек – великим злодеем, а жалкий трус – непревзойдённым героем. Его младший соученик был редчайшим из созданий, вобравшим всю одухотворённую красоту Неба и Земли. Разве мог появиться второй такой?

Разумеется, Гу Цзыцзю лишь повторял это про себя. Если бы его слышал системный помощник...

Впрочем, забудем. За прошедшие двести лет системный помощник успел высказать о Гу Цзыцзю всё, что только можно, и теперь уже не находил новых слов.

- Все собрались. Пора в путь.

Голос Ни Сяоцзиня, подобно кругам на воде, прокатился по ушам собравшихся. Разговоры мгновенно смолкли, и все почтительно склонили головы.

Ни Сяоцзинь кивнул и обратился к главе секты:

- Старший брат, я отправляюсь.

Глава секты поднял руку и заправил выбившуюся прядь волос Ни Сяоцзиня ему за ухо:

- Возвращайся скорее и будь осторожен.

Гу Цзыцзю мог поклясться, что достопочтенный меч Румян Ни Сяоцзинь покраснел.

– Старший брат может не тревожиться, – ответив, Ни Сяоцзинь выпрямился и наискось указал в пустоту. Раздался звон меча, и там, куда был направлен его палец, возник разрез цвета румян. Пространство насильно рассекло надвое. Ни Сяоцзинь первым подошёл к разрезу, шагнул внутрь и бесследно исчез.

Мечники, уже видевшие подобное прежде, один за другим последовали за ним. Вместе со всеми к разрезу подошли и Гу Цзыцзю с Дуань Шаобо. Один шаг – и они всё ещё находились на вершине главы секты Меча. Второй – и вокруг уже простиралась совершенно незнакомая местность.

Ни Сяоцзинь и прошедшие раньше мечники стояли впереди, ожидая остальных. Не успели все собраться, как с неба спустились несколько заклинателей в серебряных одеяниях. Возглавлявший их мужчина произнёс:

– Младший Янь Чаоцзун приветствует старшего Ни.

Янь Чаоцзун был одним из самых известных заклинателей секты Бурных Волн. Третий ученик её главы, гений с чистым водным духовным корнем, он носил титул почтенного Опрокидывающего Меча. Янь Чаоцзун уже достиг уровня Трансформации духа, хотя ему ещё не исполнилось и двух тысяч лет.

Выглядел он молодым мужчиной с мягкими, утончёнными чертами. В глубине янтарных глаз словно колыхалась водная гладь – прекрасный мужчина, подобный воде.

Обменявшись приветствиями, Янь Чаоцзун достал серебряную летающую ладью и пригласил всех подняться на борт.

Секта Меча прибыла поздравить именинника, а не искать неприятностей, поэтому гости последовали воле хозяев и послушно взошли на ладью. Та оказалась необычайно быстрой. Стоило всем усесться и ей тронуться, как пейзажи по сторонам растянулись, превратившись в причудливые разноцветные линии.

Всего через один вдох летающая ладья остановилась.

Перед ними возвышалась огромная церемониальная арка, верхняя половина которой скрывалась среди облаков и тумана.

Это и были врата секты Бурных Волн.

- Благодарю всех вас за то, что прибыли поздравить главу нашей секты с днём рождения.

Янь Чаоцзун повернулся к гостям и поклонился. Хотя он согнулся в поясе и держался мягко и учтиво, слабым его никто бы не счёл. В его манерах чувствовалась врождённая гордость.

Обычно в ответ на такие слова прибывшие на празднование гости говорили что-нибудь вроде: «Для нас великая честь присутствовать на торжестве» или «Это мы должны благодарить судьбу за возможность стать свидетелями столь великого события».

Подобные речи нельзя было назвать откровенной лестью, однако кто стоял выше, а кто – ниже, они показывали предельно ясно.

Вот только встречать Янь Чаоцзуну довелось целую ораву мечников из секты Меча.

- Не за что, – кивнул Ни Сяоцзинь.

Всего три слова. И больше ничего.

Остальные мечники стройно сидели, стройно смотрели на Янь Чаоцзуна и столь же стройно молчали.

Янь Чаоцзун улыбнулся. Гу Цзыцзю уловил в этой улыбке тень беспомощности – так снисходительно улыбается родитель, заметив, что ребёнок совершил какую-то глупость.

Янь Чаоцзун уже достиг уровня Трансформации духа, поэтому ему ещё позволительно было так смотреть на группу мастеров меча уровня золотого ядра. Однако возглавлявший их Ни Сяоцзинь, пусть его почётное имя и звучало несколько... своеобразно, тоже был прославленным достопочтенным меча.

Можно было сказать лишь одно: по сравнению с патриархом Белого Духа, которого Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо встретили, когда впервые покинули секту Меча, этот человек вызывал неприязнь совсем иного рода.

– Я провожу почётных гостей к месту отдыха.

Летающая ладья снова двинулась вперёд. На этот раз гораздо медленнее, чтобы пассажиры могли рассмотреть окрестные пейзажи. По мере движения Янь Чаоцзун начал рассказывать о проплывавших мимо достопримечательностях:

– Там находится Озеро Девяти Драконов. В нём обитает несколько водяных драконов, которые каждый день в час Зайца выходят порезвиться. Некоторые из них ещё не признали хозяев. Если кто-нибудь из вас заинтересуется, можете попытать удачи. А вон там – Павильон Свитков. Как следует из названия, в нём хранятся книги секты Бурных Волн. Посещение павильона не запрещено даже посторонним...

<http://bllate.org/book/19889/1985371>